

Рецензия на выпускную квалификационную работу
Николаева Александра Валерьевича
по направлению подготовки 035300/50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки»
по теме «Долг: между теорией и идеологией»

Работа Александра Валерьевича посвящена одной из наиболее актуальных тем современной критической социально-философской мысли, а именно понятию долга. Если классический марксизм основывался в своей критике капитализма, прежде всего, на анализе форм производства, а вторая половина XX века была отмечена выходом на первый план проблематики потребления, которая на данный момент представляется если и не исчерпанной, то до определенной степени выхолащенной, то с известными оговорками можно сказать, что сегодня на место такой центральной категории, заступает категория долга. Актуальность данной темы, таким образом, имеет как теоретическое, так и практическое основание.

Александр Валерьевич продолжает направление исследований, заданное в книге Д.Гребера «Долг. Первые 5000 лет истории», но, надо сразу отметить, отнюдь не повторяет путь, предложенный этим автором, а описывает проблематику долга, предлагая свою оригинальную логику разворачивания темы, обращается к иным аргументам, встраивает их в свое видение проблемы, так что, как нам представляется, оказывается весьма близок к формулированию собственной концепции долга, что свидетельствует о действительно высоком теоретическом уровне проработки проблемы.

Обратимся к содержанию работы. Во введении автор представляет понятие долга в его проблематичной многозначности. С одной стороны, долг является этически окрашенной категорией, причем сразу в двух контекстах: во-первых, в контексте справедливости, требующей возмещения ущерба, или уплаты долгов, а, во-вторых, в контексте морального долга как условия свободы. С другой стороны, долг также находится в центре внимания марксистской и постмарксистской критики отчуждения. Именно последняя и стала тем проблемным полем, в котором развернулась основная интрига вокруг понятия долг в представленной работе. Другими словами, в центре оказывается не само понятие долга (его исток, этапы развития, различные интерпретации), а прежде всего то, каким образом оно может выступать инструментом постмарксистского анализа сложившейся современной ситуации неолиберального гнета, действующего посредством кредитования и судебных тяжб. Благодаря такой постановке вопроса читатель имеет возможность наблюдать редкое, но захватывающее зрелище, как на одном теоретическом поле сходятся Иммануил Кант и нерадивый работодатель, коллектор и Вальтер Бенъямин.

Цель работы распадается на две основные составляющие: во-первых, проанализировать понятие долга в его проблематичности и неоднозначности, а во-вторых, определить тот контекст, в котором ответ на вопрос «Можно ли помыслить справедливость, мораль вне рамок логики судебных приставов?» (стр. 10) не носил бы отрицательный характер, поскольку от этого напрямую оказывается зависимым успех как коммунистического проекта, так и революции. В этом плане первая составляющая задачи оказывается не самоценной, но формулируется в свете повестки современной левой мысли: возможна ли справедливость вне контекста долга как расплаты? Вторая составляющая задачи при этом скорее не вытекает из первой, а подчиняет её себе.

В соответствии с такой постановкой вопроса, основная часть работы делится на две части: дескриптивная глава «Рассмотрение долга как идеологической доминанты современности» и нормативная глава «Этика долга Канта как альтернатива этике выплаты долга». В первой главе осуществляется набросок картины современного капиталистического производства долга в его политическом, экономическом, правовом и религиозном моментах, а также дается описание той субъективности должника, которая производится и на которой основана существующая система угнетения. Собирающей все эти аспекты конструкцией является блестящий аргумент об отсутствующем суверенном субъекте (Человечество), в пользование которого должен быть отдан мир, но в силу его нерепрезентируемости он обречен на бесконечную смену репрезентаций, а задолженность перед ним также продлевается в бесконечность. Таким образом, весь мир оказывается взят в бесконечный долг, а суверенный субъект, запертый в никогда не наступающем будущем, ожидается бесконечно.

Проблема видится в том, что нехватка, образуемая отсутствующим субъектом, продуцирует субъективность должника, всегда дублирующуюся кредитором. Во второй главе предлагаются два основных контекста, в которых место такой субъективности заступает субъект: кантовская моральная самость и универсалистский субъект революционной ситуации.

Итак, представленная работа представляет собой не просто исследование сложившихся философских традиций, в которых отражено понятие долга, но, скорее, самостоятельную разработку данного понятия, пусть и под влиянием ряда авторов и текстов, представляющихся Александру Валерьевичу наиболее значимыми для мысли о современности: И.Кант, В.Беньямин, Дж.Агамбен, Л.Альтюссер, А.Бадью. Многие возможные возражения, касающиеся неполноты раскрытия затрагиваемой в работе этической проблематики, философско-исторической проблематики и т.д., на наш взгляд, правомерно здесь снять в силу того, что автор выбирает совершенно конкретный ракурс для своего анализа и движется в рамках собственного аргумента.

Тем не менее, нельзя не заметить, что для исследования такого уровня можно было бы привлечь гораздо больше имеющих непосредственное отношение к данной проблеме источников. Так, например, автором цитируется книга Делеза «Кино», в которой теоретические тезисы используются в основном для иллюстрации киноматериала, а не для проработки концепций, и в то же время совершенно упускается из вида «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения», где Делёз предлагает свою теорию функционирования и трансформации долга от первобытных союзов до капиталистической эпохи (причем в работе автор, хоть и не ссылаясь, но упоминает концепцию раскодирования потоков из «Анти-Эдипа»). Также, возможно, было бы полезно обратиться к понятию дара как противоположности долговому обмену – тема, которую автор упоминает, но не вступает в это проблемное поле.

И напротив, в работе обнаруживается присутствие обрывочных цитат, отсылок или рассуждений, лишь очень косвенно относящихся к обсуждаемому предмету (например, присутствующая в контексте обсуждения тезиса Анаксимандра цитата из работы Ж.Делеза «Кино»: то, что Делез мимоходом отсылает к Анаксимандру в своей книге, ничего нам не говорит ни о Делезе, ни об Анаксимандре, ни о его тезисе).

Но, к сожалению, даже когда цитата или отсылка вписана в общее повествование, в целом ряде случаев закрадывается сомнение, действительно ли эта отсылка работает без дополнительного обоснования? Так, например, действительно ли в §1 имеет смысл поверять Хайдеггеровские рассуждения об Анаксимандре Беньяминовским понятием судьбы? То, что оба философа использовали одинаковые слова не значит, что совпадали их понятия; так нужно ли высказывать заранее шаткий (поскольку брошенный вскользь) тезис (о том, что Хайдеггер не уходит от правовых коннотаций долга в интерпретации Анаксимандра потому, что далее это рассуждение приводит к понятию судьбы, которую, в свою очередь, Беньямин связал в своем контексте с правом), когда вывод из него ничего не прибавит к общему ходу рассуждения? В итоге получается, что отсылки к философской традиции, которые должны, по-видимому, придавать демонстрируемой мысли вес, сами оказываются взвешены на недостаточно точных весах.

Также в работе есть ряд тезисов, на которые хотелось бы обратить внимание автора еще раз. Например, тезис об отношении позитивного права и суверена. Действительно ли в праве, регулирующем методы, а не цели, нет места суверену, а есть лишь его «знакам»? В то время как естественное право, указывающее цель, напротив, представляет суверена? Ведь цель, которую ставит суверен, не должна находиться в плоскости самого права, и, более того, если мы вспомним Шмитта, то его версия суверена как раз основывалась на разрыве в праве, на его неполноте и необходимости принять решение за пределами самого права. Можно оспаривать эту позицию, но ее необходимо проговорить, иначе аргумент не выглядит убедительным.

Другой пример, вызывающий вопросы, это аналогия между онтологическим доказательством бытия Бога и необходимостью подчиняться категорическому императиву. И то, и другое в своем роде априорно, но, тем не менее, в отношении первого у Канта имелись веские возражения на основании того, что бытие не может быть предикатом (в этом смысле под понятие Бога в данном доказательстве берут слишком большой «кредит» и «терпят банкротство», бытие не может быть включено как предикат на правах собственности в

субъект, даже если этот субъект Бог). То есть между этими двумя примерами, с точки зрения самого Канта, было бы принципиальное расхождение. Автор же настаивает на их гомологичности, но, во-первых, никак не отвечает на возможное возражение Канта, а, во-вторых, не очень понятно что именно ему дает эта аналогия.

Впрочем, приведенные возражения и замечания, касающиеся содержания работы, уже носят характер научной дискуссии и не снижают ценность и значимость работы, которая соответствует всем требованиям, предъявляемым к выпускной квалификационной работе, и заслуживает наивысшей положительной оценки.

Ассоциированный научный сотрудник
Социологического института
Российской академии наук

Капельчук К.А.

